

РЫВОК ИЛИ ОТЖАТ?

Беседуют главный редактор газеты «ЗАВТРА» Александр ПРОХАНОВ и доктор физико-математических наук Георгий МАЛИНЕЦКИЙ

Окончание. Начало — на стр. 1

Александр ПРОХАНОВ.
Я разделяю вашу точку зрения, но пытаюсь встать на противоположную. Разве не благодаря этим новым открытиям, программам, новым представлениям о числе удалось создать прорыв в геномной инженерии, например? Или новые типы самолётов и ракет? Разве не они могут гармонически соединить техносферу и биосферу, создать баланс регулирования и управления? Ведь большие системы умирают очень часто потому, что нет аппарата управления.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ.
Нет. Большие системы умирают потому, что нет людей, которые понимают, зачем эта система создана. Есть человек, он несёт некие смыслы, понимает, как это должно быть остроено, вдохновляет других людей. Это — удивительное творчество. Цифра — только инструмент. Вы говорите "благодаря этим технологиям...". Но возьмём, к примеру, анестезию — замечательная вещь. Когда опиум используется для того, чтобы облегчить страдания, — благородно. Но нельзя наркоманию и наркотик как лекарство поставить на одну доску. Не надо мешать чёрное и белое, свет и тьму.

И компьютеры в своей области приложений — очень хороши, конечно. Если индустриальная эпоха избавила людей от тяжёлого физического труда, то компьютерная эпоха позволила избежать рутинного умственного труда. Действительно, нам приходится иметь дело с большими массивами информации. Есть, скажем, геномная инженерия. Наш геном — это три миллиарда букв: А (аденин), Г (гуанин), Ц (цитозин), Т (тимин). Мы с вами живём около трёх миллиардов секунд и не в состоянии даже прочитать каждую букву своего генома. Чтение генома требует суперкомпьютеров. А откуда взяли компьютеры? Я работаю в Институте прикладной математики им. М.В. Келдыша и знаю об этом не понаслышке. Как и большинство инноваций, они появились в связи с военной сферой. Первая атомная бомба была рассчитана на логарифмической линейке. Лаврентий Павлович Берия, чтобы учёные считали поточнее, заказал большие линейки. Поскольку этим занимались выдающиеся физики, они смогли свести необходимые расчёты к самым простым, которые можно было произвести на линейке. А вот с космосом уже так не получается, здесь нужно считать не только много, но и очень быстро. Стало понятно, что для сохранения нашего суверенитета требуется создание гигантской отрасли промышленности, связанной с вычислительной техникой. Эти задачи были решены. Но сейчас люди становятся придатками своих компьютеров, зависают от них. Типичная ситуация, когда школьники не знают таблиц умножения и сразу лезут за калькуляторами. Вспомним Е.Г. Мы пытаемся наших детей поставить на уровень роботов, которые должны решать стандартные задачи. Попытка заменить человека компьютером в "человеческих" делах — на мой взгляд, это кошунство.

Александр ПРОХАНОВ.
Кошунство, может быть. Но как ни странно, вы вместо того, чтобы опровергать меня, со мной соглашаетесь. Вы согласились с тем, что развитие традиционного прогресса оказалось невозможным без создания цифросферы. Что такое спроектировать Третью мировую войну? Это война в космосе, под водой, на континентах. Это огромное количество компонентов, которые должны действовать синхронно. Синхронизировать их не в состоянии ни Жукон, ни Сталин, ни Монтомери. Их в состоянии синхронизировать компьютер. Значит, ЭВМ совершенствуется по мере того, как развиваются человеческие задачи и потребности. Развиваясь, они не могут остановиться и эволюционируют. Цифросфера эволюционирует туда, где людей в большом количестве не нужно!

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ.
Александр Андреевич, я советую вам читать Проханова, он толкует про Бога и дьявола, про свет и тьму. Разве не шок, что 70% американцев (по данным последнего опроса) говорят: вполне уместно уничтожение целых стран, если это не затронет США? В своё время Сергей Петрович Капица, выдающийся просветитель России, рассказывал мне, как наш большой правозащитник Андрей Сахаров явился к советским военным и сказал: есть возможность создания таких термоядерных бомб, которые в момент "Ч" могут просто смыть и Атлантический, и Тихоокеанское побережье Штатов. Военные ему ответили: нет тех смыслов и ценностей, которые оправдывают уничтожение целых народов.

Вспомните Библию: "Богу говово, кесарю кесарево". Человек первичен. И попытка заменить человека чем-то компьютерным — порочна. Более того, мы находимся в точке бифуркации. Сейчас делается важнейший выбор. Первый выбор — это многоэтажный мир. Как, собственно, вы его и обрисовали: есть 1% людей, неважно, по какому признаку отобран-

ных: элита, не элита. Его как бы обслуживают роботы. Это зелёная зона. Дальше есть жёлтая зона. Нужны же какие-то ресурсы для забавы верхним. И есть красная зона, куда можно спихивать всех остальных. Радикальные представители американской элиты говорят, что на Земле есть место для миллиарда человек. Американцы до Барака Обамы никогда не говорили явно и жёстко, что они являются избранными. На наших глазах строится многоэтажный мир, когда за одну и ту же работу люди в разных странах получают по-разному. Это громадное региональное и иное неравенство. Это тупик, это поздний Рим, раковая опухоль, когда 1% пожирает то, что есть у остальных 99%. В результате этот 1% губит и себя, и остальные 99%.

Есть альтернатива. В ней человек — сверхчеловек. "Для Бога нет ни элина, ни иудея", все люди равны. И они равны в главном — в правде на жизнь, это то, что называется "традиционные ценности". Пойдём дальше. Что главное в исламе? Справедливость. "Свобода. Равенство. Братство" — лозунг Французской революции, подхваченный коммунистами. А дальше — ирония истории! Ведь новая Россия пошла к капитализму, к неравенству. И вот сейчас президент Путин в статье в "Нью-Йорк Таймс" говорит, что ни одна нация, ни одна социальная прослойка не имеет морального права считать, что она чем-то выделена по отношению ко всем остальным. И либо мы идём по

пути многоэтажного мира, и тогда в конце будет как у Уэллса: злюи, морлоки, то есть тотальное неравенство. Причём сейчас это неравенство потребления, а дальше будет более жёсткое неравенство. Это будет антиутопия, когда люди различаются и по времени жизни. Как у Ефремова в "Часе быка", как в "1984" и в антиутопии "О, дивный новый мир", когда детям в мозг закладываются разные профессии. Но если считаем, что человек является сверхчеловеком и все семь миллиардов человек на планете для нас важны, то надо решить, как их накормить, создать достойный уровень жизни, обеспечить безопасность. Главный нерв XXI века именно в этом.

Или мы будем идти по первому пути, а именно — остановка истории, наркотическая культура для 99% населения и жуткий поздний Рим, варварский капитализм, возможно, с одной или двумя мировыми войнами на XXI век. Либо это путь, который прочерчивали в своё время коммунисты. Третьего не дано.

Александр ПРОХАНОВ.
Вы говорите "нас ведут". Но, может быть, мы все ведомые? Ведомые чем-то, что не является человеческой волей. Ведь развитие машин, техники ушло от рычага, от колеса, прошло стадию пара, ядерной энергии. Сейчас вошло в цифровую сферу. С какого момента это развитие стало дьявольским, а не божественным? Со стадии колеса? То, что делал Келдыш, и то, что делал Курчатов, — это стадия уже дьявольская или стадия божественная?

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ.
Есть книга Клауса Шваба "Четвёртая промышленная революция". Клаус Шваб — создатель Давосского экономического форума. Мы видим там обычно людей в хороших костюмах, полагаю, что это некая политическая тусовка. Но всё гораздо серьёзнее. Это огромная экспертная площадка, где эксперты со всего мира вырабатывают понимание того, что происходит. И дальше — проектируют будущее. А затем олигархам, политикам "подсказывают", куда вкладывать деньги и куда вести мир.

Посмотрим, что предлагается. Они полагают, что до 2025 года будет 21 переломный момент. Какие это моменты? Один из них — вживляемые мобильные телефоны. Даже сейчас, если у вас есть мобильный телефон и он выключен, то всё равно можно установить, где вы находитесь. Но если он вживляем — это уже матрица. Следующее: 10% людей носят одежду, подключённую к интернету. Нас, скажем, "большие братья" постоянно смотрят по телевизору определённых фирм. И в случае подключения одежды к интернету, мы будем носить с собой постоянный детектор лжи.

Вся культура, начиная с Античности, шла к тому, чтобы сила становилась более мягкой, она шла к свободе, к тому, чтобы человек мог реализоваться. А здесь наоборот — мы спускаем человека до уровня марионетки.

Удивительная вещь: когда подписывают контракт с космонавтом, обязательно оговаривается (психологи настояли), что у человека должен быть час времени, когда за ним с Земли не наблюдают. Это его личное время, личное пространство. А здесь компьютерные технологии полностью лишают человека и личного времени, и личного пространства.

И вот уже в прогнозе Давоса повяется первый робот в составе корпоративного совета директоров. Это поражение человека! Человеческие решения к 2025 году будут приниматься роботами. У Станислава Лема есть рассказ, когда на некую планету прислали роботов. Им сказали, что надо гармонизировать то, что есть на планете. Роботы подумали: как гармоничнее всего? Когда все равны, когда полная стабильность. И они всех людей превратили в большие монеты, в диски. Давос прокладывает путь к расчеловечиванию.

Александр ПРОХАНОВ.
Расчеловечиваются все, в том числе и те, кто расчеловечивает? Или они выводятся за скобки?

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ.
В сущности, это главный вопрос, который сейчас решают американцы. Мне довелось знакомиться с их системой образования, и из 500 американских вузов 450 очень плохи — хуже большинства наших. Наукой занимаются примерно в пятидесяти вузах, и есть пятнадцать вузов мирового уровня. К сожалению, беда нынешней России в том, что у нас таких институтов сейчас нет.

Более того, примерно половина людей в тех сверхвузах, сверхуниверситетах учатся бесплатно, потому что работает система социальных лифтов: олимпиады, фонды, которые должны из человеческой массы выделять талантливых людей и выводить их в элиту. Но есть некое заблуждение у американцев, как было у римлян, что этот самый 1% людей на самом верху может быть независимым от остальных. С роботами или иначе — неважно. Проезжаю по Рублёвке, там четырёхметровые заборы. Шофёру говорю: видите, как отгородились. И шофёр, который возит элиту, отвечает: "Если что, газом возьмём". Это же растущая ненависть 99% к 1%! Американские учёные это осознают. Книга нобелевского лауреата Джозефа Стиглицца "Великое разделение" — про то, что американская

экономика с 70-х годов росла ради этого 1%, то есть 99% людей почти ничего не получили. Но никогда 1% не удержит 99%.

Александр ПРОХАНОВ.
Это правда, но мой вопрос — о другом. Негативные последствия всего этого, которые касаются 99%, касаются и одного оставшегося процента. Потому что всё человечество едино. Мы едины. И по ком звонит колокол? По всем он звонит. Поэтому элита, которая как бы устанавливает правила игры, первой становится жертвой этих правил.

У обычных людей есть несколько форм отношения к цифросфере. Большинство и не заметит эту цифросферу. Они будут смотреть телевизор, впускать визуальные наркотики. Они рабы этой машины, и машина на них жидётся. Есть те, кто стремится улучшить машину, найти огрехи. Существует категория тотальных революционеров-нигилистов, которые считают, что мега-машины не подвержены улучшениям. И они должны быть уничтожены. Вот это — тотальная революция. Есть белгезы. Россия — страна пространств, есть, куда сбегать. И есть таинственная категория, которая может овладеть цифросферой. Где находится та категория, которая может овладеть этой цифросферой?

Второе. В индустриальной революции важны деньги. Вот у нас капитал, деньги, которые приносят деньги... Это кончилось. Вот вы — Саудовская Аравия или Катар, у вас много денег, у вас треть мировых запасов газа... И что? Вы всё равно оказываетесь иррациональными в руках тех людей, у которых оружие и технологии. Сейчас наше правительство всё ещё играет в деньги и с замирением сердца следит, какая будет цена на нефть. А мы уже живём в мире технологий. Если у нас нет технологий, то деньги и газ отберут тем или иным способом, с войной или без войны.

Наконец, сейчас на пороге третья революция, мы называем её гуманитарно-технологической. У вас есть деньги и технологии, но если во власти мошенники, некомпетентные люди — вы ничего не можете сделать. И будущее — за людьми, за их самоорганизацией,

Иллюстрация к роману «Час Быка» Ивана ЕФРЕМОВА, художники Г. БОЙКО и И. ШАЛИТО

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ.
Думаю, что неизбежности нет. В своё время считали, что и в опии нет ничего предосудительного. Люди не осознавали в полной мере, куда ведёт этот путь. Но потом поняли. Более того, в промышленной Англии было тотальное пьянство. А сейчас есть разумная политика, и пьянство пошло на убыль. "Цифромания" — тоже социальная болезнь. И я думаю, что сейчас часть людей понимает, что менять реальную жизнь на виртуальный мир — это искусственно составлять себя. У человека есть внутренние ограничения. Он не может посмотреть, не повредившись психически, тысячи убийств — у него утрата ощущение ценности человеческой жизни. Сейчас эти ограничения просто игнорируют, но их непременно осознают.

Мне в своё время американцы рассказывали, как они видят войну. Очень просто. Человек у себя за столлом восемь часов, перед ним компьютер. А далеко в Ираке есть беспилотники, машины, которые будут взрываться, есть смертники, и он, как в компьютерной игре, играет ими восемь часов. Потом приходит мессенджер. У них есть иллюзия, что война — игра, это как те самые 70% американцев, которым не жалко уничтожить целые страны. И другое дело — реальная жизнь, кровь, смерть. В этом смысле американцы неполноценны, они не воювали на своей территории, не понимают в полной мере, что такое война, когда это касается не других, а своих матерей, жён, детей. И, к сожалению, это огромная вина нашей страны, потому что, когда был Советский Союз, было понимание, что альтернативная сила есть. И я думаю, что человечество это осознает. Есть поучительный пример. Когда в мире была вторая сверхдержава, было принято ключевое решение XX века — об ограничении стратегических вооружений. Если бы мы не ограничили себя в этой сфере, возможно, нас бы уже не было. Поэтому я думаю, что мы стоим перед очень серьёзными ограничениями и в сфере цифровой реальности. Думаю, что с мегамашиной мы совладаем.

Александр ПРОХАНОВ.
Тогда человеческая воля много значила: воля генсека, воля президента американского. А сейчас воля правителя мало что значит, она стремительно уменьшается, другие факторы начинают действовать. Я думаю, что роботизации не избежать. Значит, будет освобождаться от физического труда всё большее количество людей. Как с ними обойтись? Во-первых, либеральный фашизм предлагает резко сократить численность, уничтожив их — когда либерализм, создающий сверхтехнологии, находит способы уменьшения населения.

Есть, мне кажется, и другой путь, который, быть может, избрал бы Советский Союз, не отказавшись от Ефремова или Беляева. Если бы Советский Союз изучал человека, если бы была создана теория человека, мы бы не распались. В частности, больше внимания уделялось бы иррациональному в человеке. Мне кажется, освобождённого человека, не бездельного, не праздного, могли бы использовать, научившись раскрывать его эмоциональную психическую энергию. На основании этой эмоциональной психической энергии можно было бы совершать грандиозные открытия, которые, мне кажется, в цивилизации если не XXI, но XXII века будут бесценны. Они будут дороже продуктов, белков, углеводородов. Человеческая мечта, например. Человеческая мечта может быть реализована в повседневности. Сама по себе мечта является той сущностью, которая позволяет человеку существовать на новом сверхчеловеческом уровне. Мне кажется, что задача науки будущего в том, чтобы научиться выделять в человеке те его свойства силы и умения, из которых можно создавать огромный мировой космогонический продукт, связанный с силой мечты.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ.
Конечно. Думаю, то, что мы говорим о цифровой реальности, — это вчерашний день. Мир толкает опять назад, в прошлое. Когда я учился в школе, то считал, что математика — большая серьёзная наука,

а физика в два раза проще, чем математика. Химия тоже в два раза проще, чем математика, а биология ещё в два раза проще, чем химия. Если мы возьмём науку и посмотрим цитируемость статей в разных областях (какие надежды связываются с той или иной областью, насколько активно научное сообщество), то увидим: науки биологического цикла — это 50, вся химия — это 10, вся физика — это 8, вся математика — 1,5, а вся информатика — та самая цифровая реальность — 1,5. То есть компьютерная наука в некотором смысле кончилась. Мы видим то, что происходит на излёте. Когда мы толкаем людей в цифровую реальность, мы их направляем назад. Будущее — это биология.

И мы игнорируем две революции, которые произошли после промышленной. Что такое индустриальная эпоха? Это массовое производство, потребление, образование, культура, оружие массового уничтожения. В нынешней цифровой реальности значение каждого человека может быть несравненно больше. Он может оказаться в нужное время в нужном месте и очень много изменить. Реальность такова.

Второе. В индустриальной революции важны деньги. Вот у нас капитал, деньги, которые приносят деньги... Это кончилось. Вот вы — Саудовская Аравия или Катар, у вас много денег, у вас треть мировых запасов газа... И что? Вы всё равно оказываетесь иррациональными в руках тех людей, у которых оружие и технологии. Сейчас наше правительство всё ещё играет в деньги и с замирением сердца следит, какая будет цена на нефть. А мы уже живём в мире технологий. Если у нас нет технологий, то деньги и газ отберут тем или иным способом, с войной или без войны.

Наконец, сейчас на пороге третья революция, мы называем её гуманитарно-технологической. У вас есть деньги и технологии, но если во власти мошенники, некомпетентные люди — вы ничего не можете сделать. И будущее — за людьми, за их самоорганизацией,

цией, за людьми, которые поддерживают друг друга. Возьмите газету "Завтра". Я был поражён, как мало людей, которые оказывают такое большое влияние на умы. И один в поле воин! Когда создавался Физтех (Московский физико-технический институт) нобелевскими лауреатами академиком Николаем Николаевичем Семёновым и Петром Леонидовичем Капицей отбирались лучшие из лучших. Огромная нагрузка и на студентов, и на преподавателей. Когда Капице задали вопрос: а с чем связаны эти сверхнагрузки? Зачем это всё? Будет ли это оправдано? Он ответил: если мы выростим за двадцать лет одного человека Уорена Эйнштейна или Ньютона, то все наши деньги и потерянное здоровье — всё будет оправдано. Они, как Прометей, откроют человечеству новое, которое может изменить всё. Именно поэтому американцы до сих пор с огромной опаской относятся к нам. Именно к этой непредсказуемости, к прометеевскому началу. Непонятно опасно! Сейчас ничего нет, но, возможно, в лаборатории, в подвале человек придумал такое, что может мир направить по другому руслу.

Но есть и другой подход. В постиндустриальной экономике два человека из сотни кормят себя и всех остальных, десять из ста работают в производстве, производят товары для себя и остальных. Зачем нужны другие? Современный капитализм отвечает: они не нужны, мы их будем развлекать и занимать. Праздник мозг — мастерская дьявола. И главная функция цифросферы — это убийство свободного времени. Это первый путь. Но есть и второй. На мой взгляд, коммунисты поступали очень честно. Они учили научному коммунизму, рассказывали, куда они хотят вывести мир, указывали раск.

Действительно, для промышленного производства достаточно 10-15 человек из ста. А что же делать остальным? Это главный вопрос XXI века. На мой взгляд, сейчас есть фантастические возможности для творчества в самых разных сферах. Например, у вас есть ребёнок, и вы видите в нём что-то выдающееся. Вы вкладываете в него многое, и он действительно воплощает свои и ваши идеи и мечты. Видимо, профессия учителя, воспитателя и педагога будет главной профессией XXI века.

Думаю, что гуманитарно-технологическая революция будет связана с тем, что мы вернём человеку много человеческого. Эмоции, переживания. Мы видим признаки этого. Вот я читал вчера замечательные рассказы Екатерины Глушк "Своё стояние" и "Чертовская красота". Я подумал: удивительно, для одного читателя — это просто кошмар, ему это будет снится по ночам, потому что она — талантливый художник. А другой воспримет это более-менее спокойно. Разным людям нужна разная литература.

Ведь все люди разные. Более того, мы сами разные. Мы в юности — одни, нам хочется переступить пределы. Мы другие — в зрелости. И совсем иные — на краю жизни. Поэтому, на мой взгляд, должно быть примерно так. Допустим, у нас есть материальное изобилие, и человек может выбрать: какой образ жизни в этот период его устраивает.

Учёные, которые создавали ядерное оружие, говорили, что это было самое счастливое время. Востребованность работы страной и ощущение, что можно сберечь мир. Коммунизм, к сожалению, не учёл, что на разных стадиях жизни люди различны. Я думаю, что наука к этому придёт.

Одно из главных открытий XX века — двойная спираль ДНК. Уотсон, нобелевский лауреат, сказал, что мы поймём сознание и природу психических заболеваний не раньше, чем через пятьдесят лет, но в ближайшие десять лет будет сделано следующее. Ребёнок в шире в утробе матери, а мы уже видим, что придёт в мир: выдающийся спортсмен, гениальный математик, музыкант. А когда вы с детства понимаете, к чему человек способен, это изменит всё. Если будущее состоит, то в главе будет не цифросфера, не наркотическая культура, но виртуальные миры, а человек. По-моему, у Сартра есть фраза: "Ад — это другие". И когда мы с вами умеем сначала понять, а потом объяснить и другим людям, что рай — это другие, настоящие люди, а не виртуальные персонажи, то с этим ничто не сравнится. И тогда всё у нас получится.

Александр ПРОХАНОВ.
Спасибо, Георгий Геннадьевич, за разговор.

Мега Машина

21 АВГУСТА исполнилось 26 лет демонстративно бесславному краху "путча ГКЧП" — событию, которое стало началом финального этапа уничтожения Советского Союза. Как сказал действующий российский президент, к стати, назвавший уничтожение СССР "величайшей катастрофой XX века", — "кто не жалеет о распаде СССР — у того нет сердца, а у того, кто хочет его восстановления в прежнем виде, нет головы".

Спрашивается, где в этой путинской фразе смысловой центр, где ключевые слова? "Нет сердца"? "Нет головы"? Да ничего подобного! Смысловой центр и ключевые слова здесь совсем другие: "в прежнем виде". Всё сказано предельно открыто и точно, но сказано так, обёрнуто в такую "брендовую" упаковку (Черчилль там, и всё такое), что мало кто поймёт (поймает) сказанное.

Часто утверждают, исходя из безусловного и неоспоримого факта, что на территории Советского Союза образовалось 15 международно признанных и ещё несколько непризнанных "новых независимых государств", будто бомбой, взорвавшей СССР, был "национальный вопрос", выраженный в конституционном политическом устройстве этого государства. Как будто обществу "советского проекта" и впрямь жило "по Конституции", а "партия Ленина" — по Уставу КПСС и полном собранию сочинений Владимира Ильича...

Думать, что первые секретари республиканских ЦК партии, министры и прочая "местная обслуга" всерьёз определяли какие-то ключевые моменты жизни на формально подконтрольной им территории — просто нонсенс. Их "степени свободы" были весьма ограничены и подконтрольны. Советский Союз был устроен, а "советский проект" — организован принципиально иначе. Как именно и почему — это отдельный вопрос, требующий специального рассмотрения. Сильно упрощая, можно сказать, что СССР изначально имел трёхконтурную модель социально-экономической организации. Центром этой модели выступала государственная "тяжёлая", прежде всего — оборонная промышленность, которую курировал соответствующий "пул" власти (условное "минобороны"), а финансово обеспечивал безальтернативный рубль. На его долю приходилось от 50% до 60% ресурсов и активов "советского проекта". "Потребительский" (в широком смысле этого слова) контур, в разные годы составлявший 20-25% "советского проекта", был подконтролен условному МВД и финансово обеспечивался наличным рублём. Наконец, "внешний контур" был подконтролен условному КГБ, финансово обеспечивался валютными активами и тоже составлял 20-25% "советского проекта". Структура в целом была весьма сбалансированной и в лучшие времена обеспечивала невероятные 15-20% экономического роста (в натуральных показателях).

Первый ощутимый удар по этой системе, нарушивший её баланс, был нанесён Хрущёвым и его "совнархозами", которые, даже частично заменив отраслевой принцип управления территориальным, затронули не только "внутренний", но и "центральный" контур советской экономики, перераспределив активы и ресурсы в пользу первого. Реакция системы последовала практически незамедлительно: "хруща" чуть не скинули в 1957 году и просто не могли оставить во главе "советского проекта" после Карибского кризиса. Понятно, что оказался "в выгирше" от этого конфликта — третья сторона, в данном случае — "внешний контур", который с 1967 года возглавил Ю.В. Андропов. Период 1968-1984 годов в целом характеризовался усилением "внешнего контура" при сохранении позиций "центрального" и всесильным урезанием с уходом "в тень" "внутреннего контура". Что проявлялось растущим количественным и качественным дефицитом на внутреннем потребительском рынке, ростом поставок импорта (причём за "нефтедоллары" закупалось, как правило, небольшое количество товаров "премиального" А-класса, что создавало в советском обществе неадекватное представление о реальных характеристиках "западного образа жизни"). Параллельно "внешний контур" оставил в стороне вопрос о причинах и целях его активности в этом направлении — плотно "работал" с советской интеллигенцией: как технической, так и творческой.

При оценке показателей ВВП (по паритету покупательной способности), уровня инвестиций и среднего располагаемого дохода на душу населения 50 крупнейших стран мира за период 1967—1986 годов Советский Союз демонстрирует нарастающий выход за рамки общемирового "коридора", и суммарная "дыра" в его балансе составляла, если даже считать от нижней границы тренда и "без процентов", около 400 млрд. долл. (образца 1967 года, т. е. 35 доллар за троичную унцию, 31,1034768 грамма золота). Это гигантская сумма, которая лишь примерно указывает на перекос в сторону "внешнего контура" советского проекта. Уже к концу брежневского "застоя" на "внешний контур" приходилось около 45% советских активов и ресурсов, на "центральный" — тоже около 45%, и на "внутренний" (куда входили власти союзных республик) — чуть больше 10%. То есть дисбаланс между этими "контурами" достиг критической величины, что и стало причиной событий 1985-1991 годов, известных нам как "горбачёвская перестройка" и продолженных ельцинскими "рыночными реформами" 90-х годов. В итоге "центральный контур" был раздроблен почти вдвое, а "элитам" бывших союзных республик, включая РФ, досталась мелочёвка по остаточному принципу; реальные же функции управления активами и ресурсами всего "советского проекта" сосредоточились в бывшем "внешнем контуре".

Понятно, что всё это не могло происходить без согласия и определённого содействия со стороны "коллективного Запада", что проливает совершенно иной свет на события последнего полувека, включая "лунную гонку", "политику разрядки", Хельсинкские соглашения и т.д., вплоть до реалити-шоу с "путчем ГКЧП" и нынешней агрессии "коллективного Запада" против России.

Владимир ВИННИКОВ

Очередной номер (№5151) журнала "Изборский клуб" посвящён столетию Великой Октябрьской социалистической революции. "Революция — русская мечта": участники круглого стола Изборского клуба высказывают своё мнение по этому вопросу. О революции как православно-либерализме рассуждают в беседе Александр Проханов и Максим Шевченко. Александр Проханов говорит о революции также в своей статье "И минул век". Александр Любимин представил доклад Изборскому клубу на тему "Советский проект и национальный суверенитет России".

В номере даны материалы Гейдара Джемалы "Мистерия Октября", Геннадия Животовая "Живилось революция", Георгия Малинецкого "Первая мировая социалистическая революция", Максима Калашникова "Красная динамика", Шамиля Султанова "Политика по-ленински как наука и искусство", Александра Домрина "Ленин и Америка в 2017 году", Алексея Анпилогова "Страницы Революции. Ленин и Аттатюр", Карена Свасьяна "Русская революция в западной оптике".

Иван Вишневецкий ("Николай Андреевич против Николая Александровича") говорит о роли музыки в революции. "В чём крупнейшая — в целом и для музыкантов, и для художников, и для архитекторов, и для всех деятелей искусств — заслуга Великой Октябрьской социалистической революции? В том, что она дала творцам такую аудиторию, которой никогда не было и в обозримом будущем не будет порождено человечеством.... Мечтой Римского-Корсакова (Николая Андреевича) была мечта об идеальном русском народе как народе-слушателе и творце, идеально постигающем высокие истины, открываемые высоким искусством. Эта мечта была реализована, и все очерченности с этим поделаться не могут ничего".

В рубрике "Стихия" дана подборка стихов русских поэтов о революции. "Библиотекарь" знакомит с новыми книгами членов Изборского клуба.

Справки по телефону 8-985-256-91-24.